

Аиша Хассан

Когда танцуют светлячки

*Когда мир во тьме, хочется верить,
что танец светлячков осветит твой путь*

Иностранка. Роман с историей

Аиша Хассан

Когда танцуют светлячки

«Азбука»

2025

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Хассан А.

Когда танцуют светлячки / А. Хассан — «Азбука»,
2025 — (Иностранка. Роман с историей)

ISBN 978-5-389-34640-6

Лаллу с детства мечтает вырвать свою семью из долгового рабства в бхатти – кирпичном заводе в Лахоре, где его родители, как и многие другие жители Пакистана, безуспешно пытаются погасить непомерный, постоянно растущий долг, передающийся «по наследству» из поколения в поколение. После трагической гибели старшего брата он устраивается водителем в богатую семью, чтобы хоть как-то сводить концы с концами. Но когда отец заболевает, а сестра собирается замуж, денег начинает катастрофически не хватать. Ради спасения родных Лаллу готов на все: от унижительных просьб до шантажа и воровства. Роман вскрывает гнилую изнанку общества, в котором кастовая система и коррупция на всех уровнях превращают жизнь бедняков в смертельную ловушку.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-34640-6

© Хассан А., 2025
© Азбука, 2025

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	11
Глава третья	16
Глава четвертая	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Аиша Хассан
Когда танцуют светлячки
Пане

Aisha Hassan
WHEN THE FIREFLIES DANCE

Copyright © Aisha Hassan, 2025

Издательство выражает благодарность литературному агентству Andrew Nurnberg Literary Agency за содействие в приобретении прав

© Н. Б. Буравова, перевод, 2026

© Издание на русском языке. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

Издательство Иностранка®

Глава первая

Красная суглинистая почва вокруг *бхатти*¹ отлично подходила для изготовления кирпичей. С каждым шагом мелкая пыль оседала на Лаллу, словно усталость, – сначала на сандалиях, затем на шальварах, поднимаясь по всему телу. Пока дойдешь до хижины родителей, белый *шальвар-каميز*² полностью покроется красной пылью.

Это была самая окраина города, заброшенная, забытая и убранный подальше с глаз. Если бы он сам не прожил здесь четырнадцать лет, то никогда и не узнал бы о ее существовании, но вычеркнуть из памяти уже не мог. Добираться от центра шумного Лахора пришлось долго – с тремя пересадками на маршрутках, идущих до окраин. Постепенно исчезли люди и здания, а в конце концов закончился даже асфальт, и маршрутки дальше не ходили. Словно достиг края света. От асфальтированной дороги отходила извилистая проселочная, прорезавшая пышные поля недавно взошедшей пшеницы, окруженные деревьями и кустарниками. Завернув за угол, эта проселочная дорога выходила к *бхатти* – зияющей ране на изумрудном фоне.

Землю здесь лишили всей зелени. Деревья, кусты, растения были выкорчеваны, выкопаны, уничтожены, и осталась красная бесплодная земля, кучи глины, груды кирпичей и гигантская дымовая труба. Она возвышалась более чем на сто футов, темная и зловещая, вечно извергая густой черный дым. Проходя мимо дымящего чудища, Лаллу почувствовал на себе его зловещий взгляд – взгляд того, от кого ускользнула добыча. «Ты вернешься», – шептало оно. Лаллу склонил голову, отказываясь смотреть вверх. Этот несчастный день и эта гнусная труба.

В ее тени тесно прижимались друг к другу глинобитные хижины с дырами вместо окон и дверей и крышами из гофрированного металла. Хижина его родителей притулилась последней в ряду. Отодвинув занавеску, висевшую в дверном проеме, Лаллу услышал глухие звуки. Удары. Сумерки еще не объяли деревню, но в комнате без окон было уже темно. Лишь через несколько мгновений его глаза привыкли к темноте, и он увидел мать, сидевшую на корточках перед глиняной стеной. Она раскачивалась взад-вперед и каждый раз ударялась об эту стену головой. Бух, бух, бух.

Лаллу бросился к ней, обнял, оттащил. Мать напоминала только что вылупившегося птенчика – беспомощная, бесценная и очень хрупкая. Уютно устроившись в его объятиях, она продолжала качаться. Он жаждал сказать, что позаботится о ней, зашьет разорванную ткань ее жизни и вытащит отсюда, но несчастная была не в состоянии слушать, и он знал, что... не сможет сдержать обещание. Джугну ведь не смог. И у Лаллу тоже не получится.

Шабнам сидела в тени всего в нескольких шагах, прислонившись к стене и обняв колени. Голова и плечи были закрыты *чадаром*³. Лаллу позвал ее, и она подняла глаза, удивленная: погрузившись в свои мысли, не заметила, как он вошел.

– Она уже несколько часов вот так. – Шабнам подошла и коснулась руки матери, ее голос дрожал от беспокойства. – Я пыталась ее остановить.

– Темнеет, Шаб.

Сестра зажгла газовую лампу, которая не столько освещала укромные уголки пустой комнаты, сколько отбрасывала еще больше теней. Немногочисленная посуда и кастрюли лежали в одном углу, постельное белье аккуратно сложено в другом на утрамбованном земляном полу.

¹ Здесь: кирпичный завод, мастерская (*хинди*). – Здесь и далее прим. перев.

² Широкие штаны, сужающиеся книзу, и длинная туника с разрезами. Традиционная одежда Южной Азии, а с 1973 года национальная одежда Пакистана.

³ Длинный шарф или платок, как правило теплый.

С улицы вошла Пинки. Ее *шалвар-камиз* был рваным и грязным, шерстяная шапочка на коротких волосах сидела криво, и девочка не шла стремительно, как обычно, а еле волочила ноги. Совсем еще ребенок, а уже понимает тяготы этой ночи. При виде брата глаза ее на мгновение вспыхнули, и она обхватила руками его шею. Лаллу неловко обнял сестру в ответ, все еще держа за плечи мать.

– Где *абу*⁴? – Работа на сегодня закончилась, и отец должен был уже прийти.

Шабнам пожала плечами. Пинки покачала головой.

– Иди сюда, побудь с *ами*⁵, – распорядился он, передал мать на руки Шабнам и вышел на улицу.

Перед хижинами на красной земле рядами лежали идеально вылепленные кирпичи, жаждущие пропитаться солнцем. Но солнце неделями укрывалось серой *дупаттой*⁶, оставляя видимым лишь силуэт и отбрасывая мрачный свет, тепло же оставалось скрытым. Лахор окутывал густой неистребимый смог, он проникал в одежду, в кости, заставляя Лаллу плотно кутаться в куртку, чтобы защититься от пронизывающего холода.

Услышав звук, он обернулся и пошел на него. Отец, держа в руке лопату, склонился над каким-то небольшим предметом на земле. Когда Лаллу приблизился, в далекой мечети ожил громкоговоритель, и муэдзин начал молитву.

– Аллах акбар, Аллах акбар...

Абу встал, словно отвечая на призыв к молитве.

– Аллах акбар, Аллах акбар...

Но вместо того, чтобы поднять руки к ушам, *абу* поднял над головой лопату. Муэдзин продолжал свидетельствовать, что нет бога, кроме Аллаха, а *абу* со всей силы опустил лопату в красную землю, словно все еще работал, готовил глину для кирпичей. Лаллу поспешил к *абу*, когда тот в очередной раз поднял свое оружие, открыв раздавленное безжизненное тельце воробья с поджатыми лапками. Муэдзин продолжал призывать верующих, *абу* снова поднял лопату над головой.

– *Абу!* – крикнул Лаллу, останавливая руку отца.

Тот поник и позволил Лаллу забрать у него лопату. Несмотря на холод, лоб отца покрывал пот, стекавший по щекам. На нем был тонкий хлопчатобумажный *шалвар-камиз*, промокший на спине.

Дрожащим голосом *абу* проговорил:

– Это я привел всех нас сюда. Кровь сына на моих руках.

– *Ля иллаха иль алла*, – закончил муэдзин. От тяжелого дыхания *абу* воцарившаяся тишина казалась еще более гнетущей.

Лаллу медленно повел отца прочь и осторожно усадил на *чарпай*⁷ снаружи хижины, который скрипнул под весом *абу*, затем принес ему стакан воды из глиняного кувшина в углу. *Абу* казался лишь малой, бледной частью того мужчины, каким был когда-то. У Лаллу задрожали руки. Та кровь была на руках у него, а не у отца.

Когда Шабнам вышла, Лаллу отвел ее в сторону.

– Как он? – спросила она, кивая в сторону *абу*.

Лаллу покачал головой:

– Как думаешь, может, в этом году не стоит туда идти?

У него пересохло в горле. Он говорил тихо, стараясь скрыть потрясение.

– Не идти? – Сестра недоуменно посмотрела на Лаллу.

⁴ Отец (*урду*).

⁵ Мама (*урду*).

⁶ Легкий тонкий шарф (*хинди*).

⁷ Веревоочная кровать.

Он боялся этого дня, но все оказалось даже хуже. Родители слабели с каждым годом.

– Посмотри на них, я не представляю, как они выдержат.

Девушка повернулась к хижине, и в угасающем свете дня вырисовался ее профиль. Лоб морщился сомнениями, пальцы теребили *чадар*, но выражение лица казалось неожиданно спокойным. Когда она наконец заговорила, голос ее звучал устало, как-то по-старушечьи, хотя сестра была старше всего на несколько лет.

– Они же и без того каждый день терзаются в этом ужасном месте.

– Да, но...

– Им это нужно, Лаллу. И именно сегодня.

Услышав их разговор, *абу* встал и посмотрел на них ясным, решительным взглядом.

– Пойдем. – Это был приказ.

Шабнам и Лаллу обменялись взглядами. Пинки раздвинула занавеску в дверном проеме и вышла из хижины, держа мать за руку, и все зашагали вперед. По дороге Лаллу снял куртку и попытался накинуть *абу* на плечи, но отец отмахнулся.

Джугну⁸ очень любил кормить воробьев. Кусочек *наана* или *роти*⁹, да хоть ложку риса: он оставлял им частичку всего, что ел сам. А накормив, прогонял. И любил наблюдать, как они улетают, пикируя и паря в бескрайнем небе. А теперь? Лаллу вздрогнул. Давешние глухие удары лопаты *абу* по птице не давали ему покоя.

Они прошли мимо соседних хижин, которые уже погрузились во тьму. Привыкшие к мягким зимам и удушающей летней жаре Пенджаба, жители деревни были плохо подготовлены к таким условиям.

Когда он проходил мимо кучи мусора, сваленной за хижинами, порыв ветра подхватил резкий запах и обрушил на Лаллу, вызвав у него тошноту.

* * *

Когда Лаллу было шесть лет, он повсюду следовал за Джугну. Однажды зимним днем, задолго до праздника, братья бежали по кукурузным полям, окружающим их деревню. Созревшая кукуруза выросла такой высокой, что Лаллу не видел Джугну впереди, а только слышал его топотание по полю. В ушах звенело предупреждение *ами* ни в коем случае не пачкать одежду. Из всех сил, так, что легкие болели от напряжения, а резиновые сандалии громко и часто шлепали по пяткам, он пытался догнать Джугну, который смеялся и дразнил его, покрикивая.

– *Чалло, яар!*¹⁰

И вдруг услышал, что брат резко остановился, а потом почувствовал запах и, наконец, увидел сточную канаву шириной три фута, полную застоявшейся черной жижи. Мерзкая вонь ударила в ноздри и окутала его со всех сторон. Джугну, замешкавшись лишь на несколько секунд, рванулся вперед, взмыл вверх и перелетел через канаву, выкрикивая на лету ободряющие слова. Лаллу же споткнулся перед пенящейся чернотой, когда мимо проплыла раздутая туша животного. Но Джугну уже стоял на другом берегу, готовый мчаться вперед.

Лаллу отошел назад, чтобы хорошенько разбежаться. Затаив дыхание, он рванул и прыгнул, перебирая ногами в воздухе. Но не долетел, а упал посреди канавы и погрузился в зловонную грязь. Вынырнул, высунул голову наружу и закашлялся. Черная мерзость облепила его, попала и в рот, и в горло. Его вырвало. Джугну закричал, и Лаллу, приоткрыв глаза, увидел тянущуюся навстречу руку брата. Лаллу рванулся к берегу, а Джугну, то дергая, то волоча, вытащил брата на берег. Когда он на четвереньках выбрался на сухую землю, его снова вывер-

⁸ На урду это имя означает «светлячок».

⁹ Разного рода пшеничные лепешки.

¹⁰ Догоняй, дружище! (*урду*)

нуло. Лаллу попытался вытереть лицо руками, но мерзкая вязкая слизь была повсюду: на волосах, в носу, в ушах, покрывала каждый сантиметр его тела.

Им ничего не оставалось, как идти домой. Это была странная пара: один высокий и долговязый, а другой – маленькое липкое чудовище, за которым тянулась дорожка вонючей грязи. Лаллу ждал, что брат будет насмехаться над ним или хотя бы подшучивать, но тот молчал. Лаллу до боли стискивал зубы, чтобы подбородок не дрожал, и боялся случайно приоткрыть рот и глотнуть еще мерзкой слизи.

Шабнам взглянула на них и вскрикнула, издав что-то среднее между криком и смехом. И убежала, крича:

– Ами, посмотри, что Джугну принес домой!

Мать подошла к двери, накинув на плечо тряпку, держа в руке деревянную ложку, и в ее голосе слышались раскаты грома:

– Это так ты стараешься не пачкать одежду?

Она повела Лаллу в уборную и заставила раздеться. Он стоял, а мать ведро за ведром выливала на него горячую воду с дезинфицирующим средством, пока наконец липкая черная грязь не начала смываться. Затем принялась сильно тереть его щеткой, все время подливая средство.

Оттирание сопровождала непереносимая ругань:

– Сколько раз я тебе говорила держаться подальше от этих сточных канав? Не можешь для игр найти другое место? В них же полно и дерьма, и навоза, и всякой химии с полей, и *Худа*¹¹ знает, чего еще...

– Ами... – попытался ее перебить Джугну.

– Все болезни мира в одном месте, а ты решил туда прыгнуть! А еще там крысы и...

– Да ладно тебе, мам, ты его доведешь, и он начнет блевать при одной мысли обо всем этом. – Джугну, как всегда, перевел гнев матери с Лаллу на себя.

Она повернулась к нему, держа в одной руке щетку.

– А ты вообще молчи. Надо присматривать за младшим братом, а не заставлять его прыгать через вонючие канавы. Ему всего шесть. Он мог сломать ногу. А что я буду делать, если он заболит?

Джугну усмехнулся в ответ.

– Ты бы видела, мам: в канаву упал наш Лаллу, а оттуда выскочил *каале бхут*¹². Я его даже не узнал. Знаешь, как будто переодетый Супермен, – это у Лаллу маскировка такая.

Ами цокнула языком и тряпкой отогнала его с дороги, но все же улыбнулась.

Джугну не растерялся и повернулся к Лаллу.

– Ты ж супергерой, братишка. Мы теперь будем тебя называть *Каале-бхут-мен*. Но с этой маскировкой нужно что-то делать. Она же воняет ужасно!

И даже Лаллу, у которого глаза щипало от унижения после падения и боли от растертой до крови кожи, который знал, что теперь этот запах и привкус навсегда останутся с ним, даже Лаллу в конце концов рассмеялся. С тех пор Джугну называл его своим *каале бхутом* – маленьким черным чудовищем.

* * *

Семья продолжала идти. Они шли мимо бесконечных рядов красных кирпичей, разложенных для просушки в ожидании обжига, мимо осла с торчащими ребрами, металлической цепью привязанного за шею к деревянному столбу. *Бхатти* осталось позади.

¹¹ Бог (*урду*).

¹² Черный призрак (*хинди*).

Только через час, бредя по пустынной грунтовой дороге, они добрались до кладбища и к тому времени были покрыты слоем красной пыли. Сегодня, как и четырнадцать лет назад, ярко светила полная луна.

Лаллу вел их друг за другом мимо высокого дерева шишам, растущего посреди могилы, мимо канавы, заполненной стоячей водой и мусором, мимо множества надгробий, и вот они дошли до холмика, отмеченного лишь одинокой деревянной палкой. Палка наклонилась до земли. Это могло быть дурным предзнаменованием, а возможно, ее просто сбило дикое животное. Когда Лаллу потянулся за ней, чтобы поправить, вокруг поднялось облачко светлячков – они то тревожно вспыхивали, то гасли. Юноша испуганно поднял глаза, но в следующее мгновение светлячки исчезли так быстро, что, казалось, их и не было вовсе.

Все склонили головы и сложили ладони перед собой в безмолвной молитве. Шабнам достала из пластикового пакета красные лепестки роз и разбросала по могиле. Увидев на высохшей земле эти красные капли, *ами* вскрикнула и опустилась на колени, словно желая, чтобы земля поглотила и ее. Лаллу не видел ее лица в темноте и был этому рад. Во всем виноват он, ведь это его эгоизм помешал Джугну уйти той ночью.

Бесполезно было приходить сюда. Воспоминания о той ночи врезались в память. Мужчины, собаки, полная луна. Лаллу взял *ами* за руку.

– Ладно, мама, пора идти.

Ее рука была холодной, кожа грубой и потрескавшейся. Мать не двигалась. Он положил руку ей на плечи. Ее тело было таким худым и хрупким, что косточки, казалось, вот-вот сломаются. Он поднял мать на ноги и повел прочь. Шабнам и Пинки последовали за ними вместе с *абу* обратно в *бхатти*. Обратно в хижину, как заключенные в камеру. Град, туман или палящее солнце – завтра им снова придется вставать до рассвета и работать.

Они без слов развернули постели на утрамбованном глиняном полу и легли спать. Лаллу, лежа рядом с родителями, заставил себя не засыпать, пока не услышит размеренный ритм их дыхания. Уже окоченевший от холода, он поднялся и, перебираясь через руки и ноги родных, добрался до дверного проема. В такое позднее время смог становился еще плотнее. Мобильный телефон в качестве фонарика не помогал – даже рук, вытянутых перед лицом, было не различить. Лаллу побрел вперед вслепую.

За хижинкой он опустился на четвереньки, и руки наткнулись на что-то твердое и холодное. Лопата *абу*. Медленно продвигаясь вперед, он нашел птичку. Сжав в ладони холодное тельце, он дошел до ближайшей стены и выкопал неглубокую ямку. Ночь была тихой и неподвижной, единственными звуками оставались его прерывистое дыхание да стук лопаты по земле. Он засыпал трупик землей, но в хижину вернулся не сразу.

Так происходило каждый год. Весь мир переворачивался, и *абу* убивал воробьев, которых любил Джугну, а Лаллу оказывался один вдалеке от дома, как в ту ночь, когда брата предали земле. Годовщина смерти Джугну была одной из немногих ночей, когда Лаллу спал в хижине родителей. У них не было выбора. Каждый год в эту ночь они все укладывались в той же самой хижине, в нескольких метрах от того места, где четырнадцать лет назад лежало изувеченное, еще не остывшее тело Джугну.

Глава вторая

Семью месяцами ранее

На этот раз на подходе к *бхатти* Лаллу встретил жуткий ослиный рев: животное пронзительно выло от боли и мучений. Шер Хан. Джугну так назвал осла, потому что это жалкое существо совершенно не походило на царя джунглей. Скорее всего, это был даже не тот осел, что и четырнадцать лет назад. Его спину покрывали рубцы и язвы, а вокруг жужжали, не давая покоя, мухи.

В детстве Лаллу так часто засыпал вечерами в слезах, так много дней мечтал вернуться сюда, но теперь каждый раз, когда возвращался, его охватывал тихий ужас. Он-то сбежал, но они все застряли здесь, и с этим ничего нельзя было поделать.

Дымовая труба высоко и гордо возносилась над платформой, под которой обжигались кирпичи. Сбоку выстроились глинобитные хижины, а повсюду высились аккуратные ряды и стопки кирпичей, сохнувших перед обжигом. Солнце уже зашло, но августовская жара не спадала. *Ами* на улице готовила ужин.

Лаллу не возвращался в *бхатти* с того холодного, мрачного вечера, когда навещал могилу Джугну. Обычно родители старались держать его подальше от *бхатти* – «А вдруг Хира тебя увидит?», – но несколько дней назад *абу* позвал его потому, что к Шабнам собирались приехать сваты, и сама эта мысль наполнила Лаллу тревогой. Сватовство могло привести к свадьбе, а они сейчас не могли себе позволить ни свадьбу, ни приданое.

– Как дела, мама?

Горела газовая лампа, и в этом свете ее лицо казалось бледным. Мать молча смотрела на него, уголком *дупатты* вытирая пот со лба. Лаллу хотел, чтобы она поговорила с ним. Чтобы поделилась своим сокровенным миром, в который так часто уходила.

Ами почти перестала говорить. Мать его детства ушла в ту ночь, когда погиб Джугну, и больше не вернулась. Она по-прежнему делала все, что нужно. Лепила кирпичи, подметала пол в хижине, готовила ужин, стирала одежду, хотя Шабнам брала все больше обязанностей на себя. Но теперь она почти всегда молчала. Как будто жизнь стала для нее невыносимой, и это был ее способ протеста, способ отстраниться от мира. Лаллу тосковал по той, прежней матушке – энергичной, часто резкой, бойкой на язык и яростно защищающей своих детей.

Иногда ему даже хотелось чем-нибудь разозлить мать – чтобы увидеть ее реакцию, услышать, как она ругает его, словно в прежние времена, ведь тогда стало бы видно: мама все еще любит сына. Но он этого не делал: забот у всех и без того хватало. А из-за Пинки утрата ощущалась вдвойне. Пинки было всего десять лет, она родилась позже и никогда не видела их настоящую мать, ту, которая наверняка была еще жива, просто очень глубоко пряталась в нынешней. Ту, которая с одинаковой яростью оделяла своих детей любовью и гневом. Вот только гневливость *ами* совсем стихла, возможно оттого, что рядом не было Джугну, вечно отвлекавшего ее ругань на себя, когда мама сердилась на младших братьев и сестер.

Ами обхватила лицо Лаллу грубыми ладонями и прижалась к нему, словно вдыхая его присутствие. Затем, немного жестковато ухватив его за руки, усадила на пол хижины перед собой. Зажала его руки между колен и стала всматриваться в его лицо, словно пыталась найти на нем что-то или кого-то еще. Лаллу же все это время продолжал монолог о своем распорядке, о друзьях, о людях, на которых работал, – о чем угодно, лишь бы прогнать гнетущее молчание ее взгляда. Похоже, мать не слушала слов, сосредоточившись на звуке его голоса. Она напоминала ему тощую черную птицу, которая прыгает на двух тонких лапках, склонив голову и с опасливой настороженностью относясь к окружающему миру.

Он сидел с *ами*, пока Шабнам и Пинки не принесли кувшины с водой из колодца. И уже тогда достал из кармана камиза подарок.

– Смотри, Шаб, что я тебе принес. – И Лаллу протянул ей пакетик.

Шабнам перестала наливать воду и подошла, вытирая руки о *чадар*, серьга в носу блестела в тусклом свете. Шабнам так мужественно держалась и так много работала, почти без передышки. Неужели сестра обижалась на него за то, что он ушел и оставил ее здесь? Пинки уронила щетку, которой подметала пол, и подбежала посмотреть.

Они вытянули шеи, стараясь рассмотреть брусочек ароматного мыла «Люкс», который брат положил в руку Шабнам. Это было то самое мыло с изображением Махиры Хан, ослепительной звезды Лолливуда, чье лицо смотрело со множества рекламных щитов по всему городу.

– Зачем ты тратишь деньги? Она прекрасно обойдется обычным мылом, как и все остальные, – отругала его *ами* хриплым голосом – голосом, которым она пользовалась так редко.

Ну, наконец хоть какая-то реакция. Хоть какой-то намек на мать, которая у него когда-то была.

– Шабнам говорит, что обычное мыло пахнет ужасно. Я тоже так считаю, – Пинки поняла пакетик, который держала ее старшая сестра. – *Бхаи*¹³, а можно и мне тоже такое?

Прелестная маленькая Пинки так походила на Джугну, что иногда он даже смотреть на нее не мог. Девочка ведь всю жизнь провела в этом ужасном месте. Почему бы не порадовать и ее? Лаллу улыбнулся сестренке в знак обещания принести мыло в следующий раз, но не хотел еще больше раздражать *ами*.

Абу сидел снаружи на *чарнае*, прислонившись к стене хижины, и курил кальян. Лаллу принес ему дымящуюся чашку чая. Протянув за чашкой жилистую руку, отец жестом пригласил сына сесть рядом. Лаллу слушал стрекотание сверчков, вдыхая пьянящий аромат смеси табака и воды и успокаивающее бульканье отцовского кальяна. То был момент тишины: рабочий день закончился, а гости, которых все ждали, еще не приехали, но Лаллу не мог оставить сватовство без внимания. Он чувствовал себя виноватым за то, что нарушил безмятежное чаепитие *абу*, но спросить было нужно.

– *Абу*, зачем нам делать это именно сейчас?

Абу повернулся к нему с удивленным видом:

– *Бета*¹⁴, твоя сестра уже достаточно взрослая. Не стоит больше ждать.

Лаллу глубоко вздохнул.

– Я еще не скопил ни на свадьбу, ни на приданое. – Его жалованье каждый месяц уходило на аренду жилья и еду; оставшиеся деньги он, конечно, откладывал, но их всегда было немного. – Если мы подождем немного, я смогу накопить...

– Нет, мы не можем больше ждать.

– Но чем мы будем платить за свадьбу?

Абу замолчал. Стрекотание сверчков стало громче. Жизнь в *бхатти* сказала на отце. Всякий раз, приезжая в гости, Лаллу чувствовал, что *абу* выбился из сил, что усталость пронизывает его насквозь. С годами он говорил все меньше, и времени сидеть на *чарнае* и рассказывать истории, как раньше, у него теперь не оставалось. Его кожа цвета древесины розового дерева, сильно загорелая на полуденном солнце, была натянута на скелет туго, как на барабане. Но глаза еще оставались живыми и ясными.

– Мы что-нибудь придумаем, такие вещи нельзя откладывать слишком долго.

– Но это же так дорого, *абу*, что ты можешь придумать? – Лаллу стало неудобно: отец явно что-то недоговаривал.

Абу хотел ответить, но неожиданно мучительно раскашлялся. Но через пару минут пришел в себя.

– Возьмем ссуду у Хиры, как уже делали раньше.

¹³ Брат, братик (*хинди*).

¹⁴ Сынок (*хинди*).

– У Хиры? – Лаллу был ошеломлен. После всего, что произошло, отец считает возможным снова обратиться к Хире за ссудой? – Нельзя этого делать.

– Мы должны. Где еще взять деньги?

– Ей незачем выходить замуж: она еще молода и... – Шабнам уже двадцать шесть, замуж давно пора, но попытаться следовало.

– И что? Ты хочешь оставить ее здесь навсегда? Похоронить в этой хижине? – *Абу* впервые повысил голос. Лаллу увидел, как глаза отца наполнились слезами, и смолчал. Его-то отправили прочь, подальше отсюда, от них, еще растерянным и убитым горем ребенком.

Видимо, они говорили слишком громко. Подошла Шабнам и опустилась на колени у *чар-пая*:

– Я лучше останусь в *бхатти* с тобой, *абу*, ты же знаешь.

– У нас есть свои обязанности, – покачал головой *абу*. – Что мы за родители, если не выдали дочь замуж?

– Но если ты пойдешь к нему еще за одной ссудой, Хира продержит тебя здесь вечно. – Лаллу говорил все громче, с трудом скрывая свой ужас.

– Он все равно это сделает, – пожал *абу* худыми плечами. – А так я хоть детей отсюда вывезу.

Именно так они поступили с Лаллу. Той же ночью его вывезли. И весь остаток детства он провел задыхаясь от рыданий перед сном, виня себя в гибели Джугну, уверенный, что родители тоже винят его, и жажда вернуться к ним.

Абу продолжил:

– Для Шабнам это хороший вариант. Мы не можем отказаться.

Как отец мог оставаться таким бестревожным, говорить так спокойно? Лаллу смотрел в глаза на изборожденном морщинами лице и видел только печаль.

– Я достану, – заявил он.

– Что?

– Деньги. Я достану тебе деньги. – Лаллу не мог допустить, чтобы отец отправился к Хире. Все их страдания начались именно отсюда. – Возьму в долг у Аламов. – Он торопливо продолжил, не давая *абу* или Шабнам возразить. – *Омер-сахиб*¹⁵ очень добр. Он всегда говорит...

– Нет. Ты не должен рисковать работой, – перебил отец.

– *Сахиб* всегда заботится о своих слугах. На днях повару пришлось поехать в деревню на похороны матери, так он дал ему дополнительный выходной и деньги на дорогу.

Абу снова кашлянул и указал на дымовую трубу.

– *Бета*, я знаю, эти люди держат нас в железном кулаке, но еще одну ссуду они дадут. А твоя работа очень ценна. Она каждый день показывает мне, что для моих детей есть выход, а это все, чего я хочу.

– Я попрошу аванс из своего жалованья, а не ссуду, – отчаянно импровизировал Лаллу. – Позволь мне хотя бы спросить у него, прежде чем ты пойдешь к Хире.

Абу сделал долгую затяжку из кальяна, отчего тот яростно забулькал, и кивнул.

В этот момент подбежала слегка запыхавшаяся Пинки.

– Приехали!

Среди гостей были мать, отец и сестра будущего жениха. Лаллу и его родные встали, чтобы поприветствовать их.

– Это наш сын, Лаллу. Он работает водителем в Лахоре. Лаллу, это *Харрис-сахиб* из Лалбага.

¹⁵ Господин (*хинди*).

Лаллу пожал руку невысокому мужчине с лихо закрученными вверх усами, которые закрывали большую часть лица. Лалбаг – деревня по соседству с Чакианваллой. Если Шабнам выйдет замуж в эту семью, ей не придется уезжать далеко.

На утрамбованном земляном полу расстелили старенькую, но чистую скатерть, и они, тесно прижавшись друг к другу и скрестив ноги, расселись вокруг нее. *Ами* разливала по металлическим тарелкам горячий дал, а Лаллу разносил их, первыми подавая непременно гостям. Шабнам пекла пышные роти, слегка отдававшие запахом коровьего навоза, который служил топливом для костра на улице.

С *тавы*¹⁶ принесли еще одну горячую лепешку, и Лаллу протянул ее Пинки.

– Не надо, ей уже хватит, – остановила его мать, хотя лицо Пинки говорило об обратном.

Когда *ами* повернулась к матери жениха, он все-таки положил лепешку Пинки на тарелку. Сестренка в ответ широко улыбнулась, обнажив ряд кривых зубов.

Скромный ужин не принес сытости. Есть хотелось ничуть не меньше, чем до него. Лаллу едва сдерживал голодное урчание в животе. Дал пришлось даже разбавить, но на всех все равно не хватило, да и гости, как и следовало ожидать, съели большую часть угощения.

Ами и Шабнам убрали посуду.

После нескольких любезностей отец жениха приступил к делу:

– Все остальное в порядке, только вот... – Он замялся. – Этот договор... Мы не хотим никаких проблем.

Таковы были условия работы их семьи, как и всех семей в *бхатти*. Они находились в долговой кабале и не могли уйти, пока владелец *бхатти* не признает, что долг погашен.

– Не беспокойтесь, Харрис-*сахиб*. Весь долг на мне. – Речь *абу* прервал сильный приступ кашля, и прошло несколько мгновений, прежде чем он смог снова заговорить. – Детей он не касается. Как видите, мой сын здесь не работает.

– Дело в том... ну, вы же и сами знаете, какие эти владельцы *бхатти*. Это случилось несколько лет назад, но мы слышали, что один молодой человек задавал слишком много вопросов, отчего приключились некоторые неприятности.

Лаллу почувствовал, как его лицо каменеет. Неприятности.

Абу тихо произнес:

– Да, я знаю, какие эти владельцы *бхатти*.

Опустилась тяжелая тишина. Да уж, разве могли гости не прослышать хоть что-то о тех событиях? Душный воздух окутал Лаллу. Родных. Всю хижину. Где «приключились некоторые неприятности».

Из угла раздался грохот. *Ами* уронила металлические тарелки, которые несла, и на пол полетели остатки чечевицы.

– Что с тобой, *бехан-джи*¹⁷? – поинтересовалась мать жениха.

Ами прислонилась к стене. На мгновение показалось, что она вот-вот потеряет сознание, и дочь бросилась ей на помощь.

– С ней все нормально, – Шабнам улыбнулась гостям, держа *ами* за локоть. – Просто тарелки скользкие.

Пинки встала и усадила *ами* на пол рядом с Лаллу, пока Шабнам убирала беспорядок.

Абу повернулся к отцу жениха и твердо произнес:

– Я не помню никаких неприятностей, Харрис-*сахиб*. К нам они не имеют никакого отношения.

Лаллу по очереди глянул на *ами* и Шабнам. Ни одна из них не смотрела ему в глаза.

Широкая улыбка расплылась по лицу гостя, а усы распушились еще больше:

¹⁶ Плоская сковорода, используемая для приготовления лепешек, блинов.

¹⁷ Уважаемая сестрица (*хинди и урду*).

– В таком случае мы хотели бы сыграть свадьбу как можно скорее.

– Как семье невесты, нам нужно время на подготовку, – вмешался Лаллу. На его взгляд, все происходило слишком быстро.

– Лаллу, сынок, родители начинают готовиться к свадьбе дочери, как только она родится. Разве не так, сестра? – мать жениха, сияя всем лицом, посмотрела на *ами*.

Та ответила натянутой полуулыбкой.

– Да нам много времени и не понадобится, – сказал *абу*.

– Пожалуй, подождать, пока жара спадет...

– Думаю, следующий месяц подойдет? – перебил будущего свата *абу*, и все остальные одобрительно закивали. Лаллу посмотрел на Шабнам, и она тоже кивнула. Он знал, что сестра не будет возражать, если это порадует родителей.

По случаю сговора Пинки раздала всем *джалеби*. Лаллу сам покупал их совсем свежими, но теперь остывшие сладости показались ему на вкус как картон.

До следующего месяца оставалось всего три недели. Нужно как-то раздобыть денег, иначе *абу* снова отправится за ссудой к Хире, а этого допустить нельзя.

Глава третья

Гости ушли, а вскоре и Лаллу отправился домой. В конце грунтовой дороги, где она вливалась в шоссе, находилась остановка, последняя, и маршрутки здесь ходили нечасто. Наконец машина подъехала, и Лаллу залез в ярко освещенный салон. Когда автобус отъехал, он обернулся и посмотрел назад. Уже стемнело, но юноша знал, что чудовище – дымовая труба и отвратительный дым, выходящий из нее, – там. Словно пряталось на самом виду. Когда семья только переехала сюда, Лаллу думал, что это место уникально в своей нищете, но теперь знал: по всему городу разбросано множество таких *бхатти*, набитых отчаявшимися рабочими, которые, подпитывая строительный бум, делали кирпичи – каждый человек со своей вереницей проблем и страданий. Четырнадцать лет назад Лаллу удалось поневоле покинуть *бхатти*, и это навсегда изменило его жизнь. Но Лаллу вовсе не хотелось, чтобы это коснулось только его одного. Ведь Джугну обещал вытащить их из ада. Значит, теперь он унаследовал от брата эту задачу.

* * *

– Забери его! Ему нельзя здесь находиться! – кричала *ами* отцу той ночью.

Мужчины только что вернулись с кладбища, измученные, некоторые еще с лопатами в руках. Семилетний Лаллу, совершенно без сил, шел за ними. Непонятно, куда делась его милая матушка и откуда взялась эта, которая набросилась на него. Перед ним предстала *чурайла*¹⁸, *баньши*¹⁹, без *дупатты*, в разорванной одежде, с всклокоченными волосами, падающими на лицо.

Остальные пытались ее успокоить, но *ами* бросилась на Лаллу и толкнула его к отцу.

– Забери его!

Лаллу споткнулся и упал в грязь, ободрав лодыжку о камень. Он посмотрел на *абу*. В любую другую ночь он ожидал бы, что отец усмирит эту *чурайлу*. Но в тот момент, после всего, что произошло, Лаллу испугался. И оказался прав. *Абу* посмотрел на нее, на эту ведьму, возникшую вместо матери, словно обдумывая каждое ее слово. Затем кивнул и отвел взгляд, но на Лаллу не посмотрел. *Ами* упала на землю, и женщины бросились к ней, разделяя ее скорбь. Когда Лаллу уходил, она даже не глянула на сына, и после этого он не видел ее десять лет.

Сначала они ехали на велосипеде. Лаллу сидел на руле, ветер дул в лицо, у него болело горло, а ладони болели оттого, что он впивался в них ногтями. Когда он задавал вопросы, отец безмолвствовал, словно не слышал его. Лаллу ничего не понимал, замерз и так устал, что в конце концов замолчал. Он сунул руку в карман и нашел крикетный мяч Джугну, которым тот играл еще утром. Луна следовала за ними. Лаллу не мог поверить, что она может светить так ярко, словно не была свидетелем событий той ночи. Он крепко сжал мяч в кармане.

Они сели в маршрутку, и в какой-то момент Лаллу прижался к теплему боку *абу* и заснул. Должно быть, дальше до самого конца *абу* нес его на руках, потому что, проснувшись, он понял, что лежит, свернувшись калачиком, на холодной бетонной ступеньке. Было еще темно, но ночь уже клонилась к рассвету, до утра оставалось совсем немного. *Абу* стоял над ним, тихо разговаривая с крупной фигурой, силуэт которой виднелся в дверном проеме на три ступеньки выше. Лаллу сел и прислушался.

– Ты с ума сошел, старик, вот так просто заявиться ко мне на порог и ожидать...

– Сосед сказал, что тебе пригодился бы...

¹⁸ Мифическое существо, похожее на ведьму, злобный уродливый демон из пакистанского фольклора (*урду*).

¹⁹ Мифическое существо ирландского и шотландского фольклора, особая разновидность фей, предвещающая смерть.

– Да, но сейчас ночь. – На мужчине было только *дхоти*²⁰, небрежно обмотанное вокруг пояса. Он явно хотел вернуться в постель.

– Он отличный работник, *бабу-джи*²¹, и будет помогать тебе в мастерской.

Лаллу замерз. Так замерз, что, казалось, уже никогда не согреется.

– Я механик. Мне не нужны лишние расходы и хлопоты, – возразил полуодетый мужчина.

Лаллу кивнул, мысленно умоляя мужчину отказаться, чтобы *абу* забрал его домой.

Абу шагнул к дверному проему:

– Он быстро учится и послушный, а ест совсем мало.

Мужчина покачал головой и протянул руку, чтобы закрыть дверь.

Абу упал на колени и сложил ладони перед собой.

– Возьми его, *бабу-джи*, он единственный сын, который у меня остался. Я не могу отвезти его обратно. – Голос *абу* дрогнул. – Я ничего не попрошу взамен. Он очень скоро начнет отрабатывать еду.

Мужчина в дверном проеме замер – Лаллу на мгновение перестал дышать – и кивнул. Лаллу вскочил, бросился к *абу* и изо всех сил вцепился тому в руку. *Абу* погладил Лаллу по макушке свободной рукой, его прикосновение было тяжелым, но нежным. Затем оторвал от себя Лаллу и поднялся. Вытер лицо тряпкой, перекинутой через плечо, и присел перед сыном, держа его на расстоянии вытянутой руки, Лаллу же молча боролся. Боролся за то, чтобы остаться с отцом.

– Слушайся Ризван-сахиба, ладно? Будь хорошим мальчиком и делай, как говорят, – хриплым голосом напутствовал *абу*.

И ушел прежде, чем Лаллу успел что-либо сделать, оставив сына только с одеждой, что на нем была, и крикетным мячом Джугну в кармане.

* * *

На следующее утро Лаллу опаздывал на работу к Аламам. Прошлой ночью он переволновался и почти не спал, а теперь устал, опаздывал и уже покрылся потом. Прощальные слова отца все еще звучали у него в голове.

«Позвони мне, когда разберешься с деньгами. И не возвращайся слишком рано – рискуешь попасться на глаза Хире. Это может навести его на мысль».

Так было всегда. Родители хотели, чтобы он был рядом, но не слишком близко, они любили его, поэтому отправили подальше. Они не хотели, чтобы Хира его видел, поэтому приезжать к ним следовало только в темноте. Они думали, что дают сыну свободу, но его всегда тянуло обратно в *бхатти*.

Он пересек пыльную дорогу, направляясь к автобусной остановке. Теперь возникла проблема с приданым Шабнам. Свадьбу назначили через три недели. У него оставалось максимум две, чтобы найти деньги и дать родителям подготовиться. Обычно, когда Лаллу что-то нужно было, он обращался к Салману. Его друг знал всех и умел все уладить, но такая сумма даже Салмана поставила бы в тупик.

А получить ее от босса на самом деле невозможно. История, которую он рассказал *абу*, была неправдой: Омер едва не уволил повара, хорошо, вмешалась Азима, жена Омера. Скорее всего, она беспокоилась, что в такой короткий срок заменить работника будет нечем, а сама готовить не хотела. Повару дали несколько дней отпуска, чтобы он съездил на похороны матери, но вычли из жалованья. Если Лаллу попросит у Омера ссуду, то, пожалуй, останется без работы. Но Аламы были многочисленной семьей.

²⁰ Набедренная повязка длиной до щиколоток, обернутая вокруг талии и ног, по форме напоминающая штаны (*хинди*).

²¹ Уважительное обращение к малознакомому мужчине (*хинди*).

– Эй, брат, смотри, куда идешь. Думаешь, дорога принадлежит твоему отцу? – Гудок вырвал его из размышлений. Прямо за ним ехал мотоцикл, и водитель сверлил его взглядом.

Увы, отец не владел даже *чарпаем*, на котором спал.

Лаллу махнул рукой в знак извинения и ускорил шаг, заметив на остановке автобус. В городе они ездят быстро, а водители любят набивать их пассажирами до отказа. Он протиснулся между чьей-то вспотевшей спиной и подмышкой. С мелодичным гудком автобус тронулся с места, лихой ездой бросая вызов смерти. Чтобы не так давили, Лаллу высунулся в окно.

В поток машин то и дело вклинивались рикши. По середине дороги, игнорируя обгоняющие его с обеих сторон машины, мальчик толкал деревянную тележку, нагруженную абрикосами, джамуном и гуавой. Мимо промчался мотоцикл с семьей из пяти человек: отец рулил, перед ним лицом вперед сидел малыш; мать расположилась сзади, держа на руках младенца, а между ними находился еще один ребенок. Все счастливо улыбались, и ветер трепал им волосы.

Наконец, на полчаса позже, он добрался до военного городка и, несмотря на жару, победил. Усадьба Аламов, окруженная высокими стенами, занимала огромный участок, покрытый буйной растительностью, – зеленый оазис среди грязи и шума, царивших вокруг. Воплощение уверенности в себе, не затронутое никакими трагедиями, оно оставалось невосприимчиво к заботам толпы людей, которые ежедневно приходили его обслуживать – охранять ворота, водить машины, вытирать пыль и мыть полы.

Лаллу постучал, и Бабаджи открыл калитку.

– Меня еще не звали? – Задышавшись, Лаллу взглянул в сторону дома. Если повезет, хозяева не заметят его опоздания.

Пожилой привратник отрицательно покачал головой и подвинул стул. Ему, вероятно, было около шестидесяти, но выглядел он намного старше. Бабаджи и Лаллу обычно сидели перед домом под бетонным навесом, где стояли два пластиковых стула и шаткий стол. Крыша навеса обеспечивала некоторую защиту от непогоды и от жары. Но стен не было.

– Как твои колени сегодня, Бабаджи? – Дыхание у Лаллу выровнялось, и он присел на минутку, чтобы остыть.

– Слишком жарко нынче, сынок. У меня суставы отекают.

Цветочные клумбы вокруг были полны роз и чамбели, гладиолусов и мотиа. Дождевалка разбрызгивала воду над восхитительно зеленым газоном, поливая его перед полуденной жарой и сохраняя траву свежей даже в самое засушливое лето. Драгоценное дерево араукарии прикрывал специальный зеленый навес, защищавший его от сильной летней жары. Из-под листьев молодого мангового дерева – гордости Омера – выглядывали крошечные желтые плоды. Вся эта зелень резко контрастировала с темно-красными кирпичами, из которых был сложен дом. Лаллу они постоянно напоминали о семье. Каждый кирпич был испещрен отпечатками пальцев его родных. Красная пощечина.

Мыть машины времени уже не было – Омер-*сахибу* скоро уезжать. Лаллу взял сухую тряпку и принялся торопливо протирать «ленд-крузер», надеясь, что *сахиб* не заметит. Обязанности Лаллу были не слишком сложны: содержать обе машины в чистоте и исправности. Он загружал в машину хозяйский портфель и все остальное, что Омер брал с собой на работу по утрам. Босс обычно предпочитал сам садиться за руль, поэтому, как только тот уезжал, Лаллу возил жену и дочь по их делам. Это было несложно, и с этой работой ему явно повезло.

Он начал работать в семье Аламов более четырех лет назад. Наткнулся на обочине на их заглохшую машину. В удушающей жаре Ямин сидела с закрытыми от пыли и шума окнами, а водитель стоял и растерянно смотрел под открытый капот. Мимо, сигналив, проносились машины и рикши. Лаллу предложил помощь и за считанные минуты завел двигатель. Пораженная незнакомцем и его умением, Ямин рассказала о нем своему почтенному отцу, который

нанял Лаллу помогать по дому. А когда после следующего праздника Ид²² водитель не вернулся из деревни, Ямин настояла, чтобы вместо него взяли Лаллу.

С тех пор Лаллу всегда чувствовал себя обязанным Ямин за то, что девушка обеспечила его достойной работой с достойным жалованьем, благодаря которому он смог найти жилье. За эти годы их знакомство переросло в странную дружбу. Лаллу всегда старался помочь молодой хозяйке, молча наблюдая, как она лжет родителям о том, куда или с кем идет – обычно с очередным новым парнем, коих было уже немало. А Ямин в ответ вела себя с ним гораздо менее высокомерно, чем со всеми остальными слугами, а во время долгих поездок делилась сплетнями и историями и расспрашивала Лаллу о его семье. И даже достаточно внимательно слушала, по крайней мере знала, что у него две сестры и как их зовут. Однажды Лаллу сказал, что у Пинки день рождения, так Ямин отдала ему целую подарочную корзину – набор сладостей, которые ей вручили на каком-то мероприятии. Он отнес ее в *бхатти* в следующее воскресенье, к бурной радости сестренки.

– Надеюсь, *биби*²³ сегодня в хорошем настроении, – Лаллу кивнул в сторону дома, имея в виду и Ямин, и ее мать.

– В чудеса верить не запретишь, – усмехнулся Бабаджи.

Дверь открылась, и Лаллу замолчал на случай, если это была одна из упомянутых женщин. Но появилась Гуддо, экономка, – она принесла поднос с двумя чашками чая и поставила его на стол между их стульями.

– О, благослови тебя Бог, дочка, это как раз то, что нужно старику в такое утро. – Бабаджи протянул руку за чашкой.

Гуддо ткнула пальцем в Лаллу:

– А ты снова опоздал.

Он открыл рот, чтобы оправдаться, но она усмехнулась.

– Не переживай, они так поглощены собой, что даже не заметили.

Экономка взяла Лаллу под опеку с того самого момента, как он много лет назад пришел к Аламам. Женщина часто с самого утра предупреждала его о планах семьи, чтобы он знал, чего ожидать. Взамен он приносил ей все сплетни, которые слышал за рулем. Гуддо любила поговорить, но он знал, что она его не выдаст.

– Пора тебе идти туда, – и она кивнула в сторону двери.

– Что там нового? Все в порядке? – спросил он, следуя за Гуддо в дом.

– Кажется, хозяин хочет, чтобы ты отогнал его машину на техобслуживание. – Экономка покачала головой. – В этой семье никогда и ничего не бывает в порядке.

Лаллу разрешалось входить в дом только по вызову. Он вошел вслед за Гуддо, деревянные двойные двери захлопнулись за ним, отрезав от внешнего мира. Здесь не слышно ни щебетания зеленых попугаев, ни гудения машин. Потолок в прихожей был двойной высоты, с него свисала огромная стеклянная люстра. Пол выложен белым мрамором, стены украшены картинами.

Гуддо исчезла на кухне, а Лаллу вошел в гостиную и встал у двери, ожидая указаний.

– Ты понятия не имеешь, каков он. Твой отец... – В комнату, отвернувшись, вошла Азима, яростно что-то шепча кому-то позади себя. Это была крупная женщина с маленькими глазками и редкими волосами. Складки кожи вокруг шеи словно съели ее подбородок, а приподнятые брови придавали лицу вечно удивленное выражение.

За матерью следовала Ямин. Длинноногая, она была почти такого же роста, как отец. Шелковистые черные волосы подстрижены чуть ниже плеч, и девушка то и дело перекидывала

²² Ид в переводе с арабского означает «праздник» и чаще всего используется для обозначения Ид-аль Фитр (Ураза-байрама, праздника разговения) и Ид-аль-Адха (Курбан-байрама, праздника жертвоприношения), двух главных праздников у мусульман.

²³ Госпожа (*урду*).

их с одной стороны на другую, напоминая Лаллу лошадей на матче по поло, куда он однажды возил хозяев.

– Он совсем не такой. Он постоянно очень много работает и... – так же яростно шептала в ответ Ясмин.

Азима ухватила Ясмин за локоть, притянула ее к себе и, отвечая, прижалась к ней.

Лаллу привык оставаться в тени, подслушивая разговоры и выведывая информацию, которая могла бы пригодиться в другой раз. Этому трюку он научился у Гуддо.

– Да ведь дело не только в этом. Я уверена...

Ясмин отдернула локоть и сердито посмотрела на мать.

– А ты никогда не думала, что проблема может быть в тебе?

– Говори тише. Ты хочешь, чтобы весь район узнал? – прошептала Азима натянуто, вздернув идеальные брови.

Теперь женщины стояли посреди гостиной, и им достаточно было повернуть головы, чтобы увидеть Лаллу, но они были так поглощены разговором, что совершенно не замечали его.

– Думаю, ты причина того, что он...

Азима схватила Ясмин за плечо, заставляя дочь замолчать, обе женщины выпрямились, и тут в комнату вошел Омер Алам. Один из богатейших людей Лахора, он одевался во все импортное и держался как принц. Высокий, подтянутый, с густой шевелюрой, он тщательно поддерживал форму в спортзале: Лаллу иногда отвозил и забирал его. Азима наблюдала за мужем, явно опасаясь, что он их слышал. Она настороженно поинтересовалась:

– Позавтракаешь перед уходом?

Омер едва взглянул на жену, на ходу поправляя манжету рубашки.

– Нет, мне пора. Я пригласил на сегодняшний ужин Акбара Назима...

– Кого?

Он остановился и соизволил повернуться к ней.

– Акбар Назим? Вечно ты ничего не помнишь! Новый генеральный инспектор полиции. Постарайся устроить все как следует. Этот человек будет очень полезен.

Генеральный инспектор – должность весьма влиятельная, а Омер любил иметь влиятельных друзей. За эти годы Лаллу не раз видел, как хозяин ужинал с важными людьми – одни были в военной форме, а другие в очень дорогих костюмах, и все приезжали на больших машинах с многочисленной свитой.

Омер огляделся и увидел Лаллу:

– Вот, положи это в машину.

И протянул Лаллу портфель.

– Папа, мне нужны деньги. Мы с Таней хотим погулять.

Омер повернулся к дочери и, не обращая внимания на протянутую руку Лаллу, продолжал держать свой драгоценный портфель.

– Я думала, у тебя фотосессия, – удивилась Азима.

– Да. А потом я иду обедать.

Ясмин почти каждый день обедала со своей подругой детства, Таней, и проводила с ней больше времени, чем с родными. Ясмин работала моделью. Лаллу часто возил ее на съемочные площадки, часами ждал, а потом через несколько месяцев видел ее фотографии в журнале или на щите, рекламирующем крем Glow & Lovely или лосьон Pond's.

Ясмин повернулась к отцу, который поставил портфель на стол и открыл, нажав на защелки.

Хотя Лаллу знал, чего ожидать, но при виде этих аккуратных банковских пачек, небрежно сваленных друг на друга, у него все равно захватило дух. Омеру принадлежало много недвижимости, земли и различных предприятий, и он постоянно ездил в банк. Омер достал

пачку денег, разорвал бандерольку и отсчитал для Ясмин несколько купюр. Ей, разумеется, платили за работу, но она то и дело просила денег у отца, и он без вопросов давал их обожаемой дочурке. Ясмин не нужно было думать о деньгах, как другим, – они просто появлялись у нее, когда было нужно. На этот раз Лаллу ей не позавидовал. Если кто из Аламов и согласится помочь сестре, то только Ясмин. Видя, как она небрежно запихнула полученные купюры в сумочку, он даже ощутил слабую надежду.

Омер закрыл портфель, отдал Лаллу и вышел, а Лаллу двинулся следом в двух шагах, неся портфель на вытянутых руках, как ему и было велено.

Он положил чемодан в «ленд-круизер» Омера, на пол под передним пассажирским сиденьем, так чтобы его было не видно снаружи, но можно было легко достать. Делать следовало именно так и никак иначе, а то выволочки не миновать. Омер любил точность. Лаллу затаил дыхание, молясь, чтобы хозяин уехал до того, как заметит, что машина не вымыта.

– Поехали, Лаллу, а то я опоздаю. – Ясмин вышла из дома, сверкая на солнце розовым атласным *шальвар-камизом*. На плече у нее висела серая сумочка, та самая, о которой Гуддо сказала, что она сделана иностранным дизайнером и стоит десятки тысяч рупий. Ветер развеивал роскошные волосы девушки.

Она сунула ему адрес, и он завел «рендж-ровер». Мощный кондиционер начал обдувать его холодным воздухом, пока Бабаджи открывал для них ворота.

– *Бибби*, мне нужно у вас кое о чем спросить. – Лаллу старался говорить уважительно. Может, отношения у них с Ясмин и были дружелюбными, но все же он слуга, а вопрос у него крайне важный.

– Хм? – Ясмин что-то набирала на телефоне. – Что? – Лаллу замялся, и молодая хозяйка подняла глаза и опять тряхнула волосами, словно лошадь гривой.

– Моя сестра выходит замуж. Моя сестра Шабнам. Помните? Ей ведь уже двадцать шесть. Ее сосватали в хорошую семью. Но на свадьбу нужны деньги... ссуда.

– Сколько?

Он назвал сумму, и девушка присвистнула.

– Даже у меня нет столько. – Она усмехнулась.

Лаллу не смог заставить себя улыбнуться, но, услышав ее непринужденный тон, немного расслабил плечи. По крайней мере, хозяйка не сказала «нет».

– И кстати, после съемок я встречаюсь не с Таней, а с Тариком.

Тарик был новым увлечением Ясмин, явно страстным, поскольку за последние две недели она встречалась с ним пять раз, когда родители думали, что она с Таней или на работе. Лаллу уже дважды приходилось прикрывать эту пару, причем один раз пришлось даже сгонять в ее любимое кафе за десертом навынос, чтобы подтвердить ее алиби, когда Азима заподозрила неладное.

– И как же мне быть, *бибби*?

– Ой, да ладно, не грусти. Достану я тебе деньги.

Лаллу глянул на нее в зеркало заднего вида. Это была очередная шутка? Но девушка выглядела серьезно.

– Я собиралась купить ту сумочку от Диора из последней коллекции – папа знает, что я давно на нее засматриваюсь. Попрошу у него денег на сумочку, а ты сможешь выдать сестру замуж.

– Но... – Лаллу не удержался и указал на очевидный недостаток ее плана. – Что будет, если он даст деньги, а сумочки не будет?

– А, мне ее Тарик купит. – Она постучала пальцем по виску. – Видишь, какой гениальный план.

И подняла бровь, заметив в зеркале сомнение на лице Лаллу.

– Отношения с Тариком становятся все серьезнее, скоро мне понадобится твоя помощь. – Ясмин улыбнулась, как человек, который все продумал. А Лаллу задумался, каково это – родиться с таким вот чувством собственного превосходства, такой уверенностью, что мир всегда должен работать на тебя. Она ведь ненамного моложе его сестры, но Шабнам сейчас наверняка встала еще до рассвета, и работать ей приходится по четырнадцать часов в день шесть дней в неделю, под палящим августовским солнцем лепить из глины эти проклятые кирпичи, почти без остановки, некогда даже воды попить.

Но пусть Ясмин и была из круга избранных, по крайней мере, она готова ему помочь. Он снова посмотрел в зеркало.

– Я сделаю все, что нужно, *биби*. Вы даже не представляете, что это будет значить для моей семьи, для Шабнам. И я верну все деньги из своей зарплаты. До последней пайсы²⁴.

Хозяйка не смотрела на него, идеально ухоженные ногти уже снова постукивали по телефону.

– Угу, – было единственным ответом.

Когда они подъехали к зданию, где ее нужно было высадить, к машине бросились фотографы. Эти папарацци все чаще повсюду следовали за Ясмин. Но сегодня Лаллу удалось ускользнуть от большинства из них, высадив ее у заднего входа. Омер уже предлагал нанять дополнительную охрану, но Ясмин сопротивлялась. Она не хотела, чтобы кто-то знал о ее тайных свиданиях с возлюбленным, поэтому велела Лаллу заверить Омера, что он сам сможет обеспечить безопасность, забирая и высаживая ее в определенных местах и насколько возможно избегая папарацци. Пока этого хватало, и Омер уступил желаниям дочери, но Лаллу знал, что и ее раздражают постоянные камеры. Лаллу тоже хотелось ее защитить. Именно ему пришла в голову идея затонировать окна сзади.

Ясмин с секундной задержкой открыла дверь машины и быстро направилась к входу, уворачиваясь и прикрываясь от назойливых фотографов.

²⁴ Мелкая разменная монета. Перестала выпускаться и иметь хождение с 1 октября 2014 года.

Глава четвертая

Когда *абу* той ночью четырнадцать лет назад оставил его на чужом пороге, Лаллу было всего семь. Он не до конца понимал, что происходит, пока человек, с которым разговаривал *абу*, не завел его в большое здание, похожее на гараж, и не запер внутри. Металлический лязг дверей и клацанье защелки еще долго эхом отдавались у него в голове после того, как он остался в полной тишине. Лаллу прокрался в угол помещения и сгорбился в темноте.

Лунный свет продолжал преследовать его, не оставляя в покое даже здесь, проникал внутрь сквозь трещины и щели. Постепенно Лаллу начал различать предметы вокруг. Перед ним возвышался огромный металлический остов. Он громоздился над полом на грудах кирпичей: без передних колес, капот разбит всмятку, обнажая нутро, механические «кишки» вываливались наружу. Бампер полностью раздавлен, одна фара свисала, прикрепленная к кузову проволокой. Чудесным образом в целости оставалось только лобовое стекло, и от него, словно дразня, прямо в глаза отражался лунный свет. Вокруг грудились громоздкие остовы обветшавших и разбитых автомобилей, изношенные двигатели, помятые дверные рамы. Кладбище машин, слишком израненных и усталых, чтобы продолжать движение.

Они выглядели так, будто пережили какое-то жестокое столкновение. Может, их тоже избили до полусмерти? Вытащили посреди ночи? Истязали лунным светом? Лаллу свернулся калачиком на грязном бетонном полу, нащупал в кармане крикетный мяч и вцепился в него, пытаясь заглушить образы в голове. Но все равно видел их. Все равно чувствовал в воздухе запах страха. На этом кладбище автомобилей царил тишина, но он все равно слышал ужасные бухающие звуки ударов и крики родителей.

В какой-то момент он, должно быть, потерял сознание, потому что следующее, что вспоминалось, – как в лицо ударил солнечный свет, сопровождаемый лязгом открывающейся двери. Лаллу открыл опухшие глаза, ошеломленный и растерянный. Болела каждая клеточка измученного тела.

– Ризван-*бхаи*, что у тебя тут? – раздался громкий голос.

– Это новый ученик, – крикнул Ризван откуда-то снаружи.

– Эй, *чота*²⁵, тебя как зовут?

Лаллу попытался встать, но ноги свело судорогой. Он стиснул в кармане свой крикетный мячик и, прищурившись, с трудом открывая глаза и онемев от растерянности и бессонницы, всмотрелся в силуэт.

– У него нет имени? Ну, тогда так и будем называть его *чота*.

В дверях столпились четверо шумных подростков, должно быть механиков, они толкались, пихались и подшучивали друг над другом.

Лаллу молча наблюдал за ними из угла, пока не убедился, что ноги его держат, и только потом, хромая, поднялся с пола. За металлическими воротами мастерской виднелся земляной двор, выходящий на дорогу. Одиноко стояло раскидистое дерево, украшенное свисающими с ветвей шинами, а под ним – два металлических стула. Один пустовал, а на другом сидел Ризван, который одним глазом следил за мальчиками внутри, а другим – за внешним миром. Таких огромных мужчин Лаллу никогда не видел. Стула, на котором он расположился, его мощному телу явно не хватало. Увидев приближающегося Лаллу, он поднял глаза.

– Когда *абу* придет за мной? – едва слышно произнес Лаллу.

Ризван хотел рассмеяться, но, увидев лицо мальчишки, остановился.

– Теперь ты останешься здесь. Иди в дом и принеси мне чашку чая.

²⁵ Здесь: мелкий (*урду*).

Лаллу смотрел на него пустым взглядом, пока Ризван не указал на дом с зеленой дверью напротив, и Лаллу узнал ступеньки, на которых сидел минувшей ночью.

Он перешел дорогу и постучал. Нарядно одетая женщина открыла дверь и уже собиралась захлопнуть перед его носом, увидев его на пороге, но он запротестовал.

– Меня послал Ризван-*чача*²⁶. За чаем. – И Лаллу энергично замахал рукой в сторону Ризвана, сидевшего на стуле.

Женщина приоткрыла дверь чуть шире, неодобрительно покачала головой и подозрительно посмотрела на него. За ее спиной пожилая женщина, сидя на корточках, протирала пол влажной тряпкой; в воздухе витал запах дезинфицирующего средства. Наверное, он разговаривал с *мэмсахиб*

²⁶ Дядя (*хинди, урду*).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.